

— Ты собираешься стоять там вечно? Я ухаживал за тобой всю ночь, а ты даже не можешь обернуться и посмотреть на меня?

Жун Фэй сглотнул. Су Чжэнь всегда был актером, которого он глубоко уважал. По логике, находиться в одной комнате с Су Чжэнем было невероятным событием, но почему это произошло именно тогда, когда он стал ненавистным молодым господином Жуном?

Жун Фэй был уверен, что молодой господин Жун никогда не чувствовал себя неуверенно, но теперь, заменив его, Жун Фэй чувствовал себя именно так.

Он медленно обернулся, ожидая увидеть на лице Су Чжэня тот ледяной взгляд, который пронизывал до боли, но в этот момент расслабленное и слегка подтрунивающее выражение лица Су Чжэня заставило Жун Фэя почувствовать, что он попал в другую реальность.

Су Чжэнь, полулежа на кровати, поддерживал голову рукой. Его волосы были слегка растрепаны, но выглядели естественно, а улыбка в уголках губ напоминала солнечный свет, пробивающийся сквозь щели в занавесках.

— Ты... ухаживал за мной всю ночь?

— Да. — Су Чжэнь похлопал по краю кровати, предлагая Жун Фэю вернуться. — Ты собираешься выйти в халате, неся в руках свою одежду? Ты совсем не хочешь узнать, что произошло вчера?

— Что... произошло?

Конечно, я хочу знать, что произошло!

Су Чжэнь тихо рассмеялся, и эта мягкая атмосфера заставила Жун Фэя медленно вернуться и сесть рядом с его рукой.

— Вчера ты напился в «Золотой розе». Когда я зашел в туалет, то увидел, как ты, опираясь на раковину, говорил всякую чушь.

Жун Фэй опустил голову, и его уши быстро покраснели.

Жун Фэй, Жун Фэй, ты действительно опозорился!

— Как только ты увидел, что я вошел, ты схватил меня за плечи... — Су Чжэнь замолчал.

Жун Фэй почувствовал, как его сердце заколотилось, словно он стоял перед судом.

Я схватил Су Чжэня за плечи? И что я сделал потом? Что я сделал?

Су Чжэнь долго не продолжал.

Жун Фэй нервничал, дыхание застряло в горле.

Су Чжэнь лег, и с этого ракурса он мог лучше видеть выражение лица Жун Фэя.

— Ты не спросишь, что ты сделал, схватив меня за плечи?

— Что я сделал...

Не тяни, пожалуйста, скажи сразу, чтобы я мог наконец успокоиться!

— Ты постоянно извинялся передо мной. Ты сказал, что не отпустишь меня, пока я не приму твои извинения.

Правда? Я действительно так поступил? Заставлять кого-то принимать извинения — это так по-детски...

Жун Фэй вдруг почувствовал облегчение. Постоянно извиняться — это лучше, чем говорить какие-то странные вещи, вроде «возвращения души в чужое тело»...

— Чтобы избавиться от тебя, мне пришлось принять твои извинения, и ты тут же вырвал на меня. — Улыбка Су Чжэня стала шире.

Эта ослепительная улыбка, которую невозможно описать словами, заставила Жун Фэя почувствовать, что у него даже нет сил закрыть глаза, чтобы избежать ее.

— Тогда... почему ты ухаживал за мной всю ночь? — Даже с коротким замыканием в мозгу, Жун Фэй все же задал этот ключевой вопрос.

— Да... почему же? — Указательный палец Су Чжэня медленно вращался у виска, и все вокруг словно закрутилось вместе с его движением. — Наверное, потому что ты вдруг стал тем Жун Фэем из детства.

— Из детства? — Жун Фэй замер.

— Ты в детстве был намного милее. — Су Чжэнь, словно вспомнив что-то, поднял подбородок, слегка нахмурив брови. — Тогда мои родители только что умерли... я поселился в вашем доме. Я боялся темноты, особенно той, где нет ни единого луча света, поэтому я всегда оставлял свет включенным, чтобы заснуть. Мой отец в то время был одним из трех крупнейших акционеров «Шэнши Хуатянь». Он был очень честным бизнесменом, и тогда огромная преступная организация хотела использовать «Шэнши» для отмывания денег. Мой отец без колебаний разоблачил их и с тех пор вступил в конфликт с этой организацией. Это был день рождения моей матери, и мой отец арендовал верхний этаж одного отеля. Я помню, что воздух был наполнен сладким ароматом, звучала нежная мелодия скрипки, мой отец обнял мою мать, и они счастливо танцевали вальс, а я сидел на стуле и наблюдал. Все было так прекрасно, словно финал фильма. Внезапно свет погас. Я ничего не видел, только знал, что кто-то ворвался, в ушах раздавался звук лезвия, разрезающего плоть, горячая жидкость брызнула мне на лицо, я замер на месте, не понимая, что происходит. Я хотел закричать, но мать прикрыла мне рот рукой и толкнула на пол. Я упал, и было очень больно...

Тон Су Чжэня был спокойным, без сильных эмоций, но Жун Фэй почувствовал запах крови в воздухе.

— Поэтому, когда ты спросил меня, боюсь ли я темноты, да, я боюсь. Я боюсь до ужаса. Я боюсь чувства, когда ничего не видишь, я боюсь, что, сколько бы ни старался, не смогу разобрать, что происходит вокруг, я боюсь...

— Ты боишься, что, когда свет снова включится, ты увидишь кровавую картину... — Жун Фэй инстинктивно схватил руку Су Чжэня, лежащую на краю кровати, понимая, что слова часто бессильны в таких ситуациях.

Поза Су Чжэня не изменилась, но его тело замерло, взгляд устремился в глаза Жун Фэя.

— Когда я поселился в вашем доме, ты сначала всегда насмеялся над моим страхом темноты. Ты был как маленький зверёк, защищающий свое место в сердце отца, считая меня врагом. Ты был настолько наивен, что вызывал у меня зависть.

Жун Фэй опустил голову. Это действительно было похоже на молодого господина Жуну, ведь он жил только для себя.

— Однажды отец и мать уехали, слуги уже спали, и весь дом был погружен в жуткую тишину. Ты открыл мою дверь и залез ко мне под одеяло. Ты был мягким и маленьким, и, как бы я ни отталкивал тебя, ты цеплялся за край кровати, не желая уходить. Вдруг я понял, что ты не так уж и противен. Потом мы стали ближе, ты показывал мне свои модели самолетов, и когда вся семья отправлялась в отпуск, ты всегда настаивал, чтобы мы сидели сзади и играли в детские игры. В те времена я действительно считал тебя своим младшим братом.

Похоже, молодой господин Жун не всегда был таким, как сейчас, но что же с ним произошло?

— Потом я уехал к дяде в Америку, а ты остался в Китае. Мы иногда звонили друг другу, но с годами звонки стали реже. Когда я вернулся в Китай, ты уже стал распушенным молодым человеком. — Су Чжэнь коснулся пальцем лба Жун Фэя, заставляя его поднять голову. — Честно говоря, я всегда мучился вопросом, куда исчез тот Жун Фэй.

— Прости... действительно прости... — Хотя это был не Жун Фэй, а молодой господин Жун, кто отдалился от Су Чжэня, Жун Фэй почувствовал странную боль в сердце, словно оно коснулось лезвия, хотя раны не было, но боль была ощутимой.

— Вчера ты тоже постоянно извинялся передо мной. Сначала я думал, что ты издеваешься надо мной... но, видя твою глупую мордашку, я вдруг почувствовал, что старый Жун Фэй вернулся. — Су Чжэнь глубоко вздохнул и сказал очень серьезно. — Пожалуйста, оставайся таким, Жун Фэй.

В этот момент эмоции переполнили Жун Фэя, и он обнял Су Чжэня.

— Я больше не буду капризничать! Не буду никого обижать! И не позволю никому разочароваться во мне!

Жун Фэй знал, что это тело принадлежит молодому господину Жуну, и все, что у него есть сейчас, тоже его. Но молодой господин Жун не ценил этого, а Жун Фэй был другим. Он, возможно, будет переживать из-за критики СМИ и общественности, будет чувствовать себя потерянным из-за предубеждений других, но это не важно, потому что у Жун Фэя теперь гораздо больше, чем раньше! И эту роскошь, пока она у него есть, он будет крепко держать.

Су Чжэнь медленно обнял его, закрыл глаза, и улыбка на его губах стала глубокой, поглощая все.

— Ладно, ладно, ты вчера напился и проспал целый день. Ты уверен, что не хочешь что-нибудь поесть?

В этот момент живот Жун Фэя издал громкое урчание, и он, смутившись, отпустил Су Чжэня, почесал затылок.

— Хе-хе, я действительно голоден. Можно что-нибудь заказать?

— Конечно. — Су Чжэнь указал на шкаф. — Там есть комплект одежды, который я попросил

Шэнь Яня принести. Переоденься, ты ведь не хочешь, чтобы официант, привозящий еду, увидел тебя в таком виде.

— Точно! — Жун Фэй вдруг вспомнил об этом и поспешил взять одежду, чтобы переодеться в ванной.

— Что хочешь поесть?

— Жареную свинину с рисом! Или лапшу с говядиной!

<http://bllate.org/book/16664/1527757>